

Бакова Зера Хачимовна, Текужева Зарета Анатольевна

РЕКИ, ТАНЦУЮЩИЕ ИСЛАМЕЙ

В статье подчёркнута мысль, что литература адыгской "метрополии" и адыгской диаспоры основана на едином национальном мировидении. Достигается такое единение устойчивостью художественного взгляда на мир, обеспечиваемой тем, что разноязычные литераторы в более или менее равной степени принадлежат к неиссякаемому источнику "адыгства" - к адыгскому фольклору, к нартскому эпосу.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/10.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2010. № 1 (5): в 2-х ч. Ч. II. С. 36-38. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2010/1-2/

© Издательство "Грамота"

Информацию о том, как опубликовать статью в журнале, можно получить на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

УДК 82.09(470.621)

В статье подчеркнута мысль, что литература адыгской «метрополии» и адыгской диаспоры основана на едином национальном мировидении. Достигается такое единение устойчивостью художественного взгляда на мир, обеспечиваемой тем, что разноязычные литераторы в более или менее равной степени принадлежат к неиссякаемому источнику «адыгства» - к адыгскому фольклору, к нартскому эпосу.

Ключевые слова и фразы: адыгское мышление; национальный образ; диаспора; метрополия; родина; Ошхамахо; исламей; мировидение.

Зера Хачимовна Бакова, Зарета Анатольевна Текужева

Кафедра литературы и фольклора народов Северного Кавказа

Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х. М. Бербекова

Zera2529@mail.ru

РЕКИ, ТАНЦУЮЩИЕ ИСЛАМЕЙ®

В современном мире (и это не могло не отразиться и на литературоведении) существуют две основные тенденции: тенденция к стиранию границ, установленных по классовому или идеологическому принципу, которой отнюдь не противоположна тенденция к установлению границ новых, основанных на принципах осознания национальной самобытности, воскрешения и укрепления национального самосознания рас и этнических групп.

Литература, как неперемнная составляющая культурной среды, несомненно, не только заслуживает, но и требует самого тщательного изучения. Однако для того, чтобы оно было по-настоящему полным, необходимо не только рассматривать в едином контекстуальном пространстве адыгейскую, кабардинскую и черкесскую литературу (на такие три «куска» адыгскую литературу «нарезали» на I съезде Союза писателей СССР). Надо подверстать к единому контексту и ту литературу, которая создавалась и создается адыгами, волею судеб оказавшимися за рубежом.

Достижения адыгской диаспоры были бы совершенно бесполезны для коренной, то есть, создаваемой на исторической родине литературы, если бы мы, как и прежде, пребывали в культурной изоляции друг от друга, но перемены, произошедшие как в России, так и в других странах, позволили нам начать процесс воссоединения. Речь, конечно, не идет о нивелировке культур, - мы говорим об их взаимном обогащении, а точнее - об обретении качественно нового статуса адыгской литературы, взятой в единстве всех ее ветвей - адыгейской, кабардинской, черкесской и созданной диаспорой.

Разумеется, процесс этот отнюдь не односторонний. Знакомясь с творческими достижениями зарубежных собратьев, нам не раз приходилось испытывать подлинную гордость за наши, так сказать, домашние успехи. Зарубежным адыгам есть чему поучиться у таких мастеров слова, как Алим Кешоков, Зубер Тхагазитов, Борис Утижев, Хабас Бештоков, Афлик Оразаев и др.

Чем и как достигается эта общность? Прежде всего, на наш взгляд, устойчивостью художественного взгляда на мир, обеспечиваемой тем, что разноязычные литераторы в более или менее равной степени принадлежат к неиссякаемому источнику «адыгства» - к адыгскому фольклору, к нартскому эпосу.

В основе взаимоотношений поэзии адыгской метрополии и диаспоры лежит принцип компенсации, причем отнюдь не в области формальных поисков, а в области, главным образом, непосредственно содержания. Чрезмерный восторг должен быть чем-то уравновешен - и на помощь приходит скептицизм. Мы не видим причин, по которым одно и другое не могут сосуществовать в рамках одной литературы, коль скоро она основана на едином национальном мировидении.

А восторгов, доносящихся из-за рубежа, так много, что поэты, проживающие на исконно адыгских землях, все больше и больше «стесняются» впускать подобные эмоции в свои произведения.

Действительно, если рассматривать творчество поэтов, живущих на родной земле, в сопоставлении с творчеством поэтов диаспоры, то становится очевидным, что при всей общности национальных черт они резко отличаются друг от друга по части тематики и ставящихся перед собою творческих задач. Примеров тому можно привести очень много. Так, Борис Утижев, тончайший знаток кабардинского языка, создал цикл сонетов, ни в одном из которых нет пересечения с излюбленными темами зарубежных авторов: он не пишет о горах и водопадах, не упоминает таких сакральных имен как «Родина» или «Ошхамахо»; более того, он в очень малой степени ориентируется на национальный фольклор, не говоря уже о том, что сонетная форма для традиционного адыгского стихосложения - вещь практически невообразимая.

Однако в сонете заданность формы заблаговременно выступает организующим, противостоящим хаосу началом, и полнокровное владение ею весьма и весьма помогает в преодолении неизбежной *раздробленности мировидения* тех, чьи глаза зачастую «застигнуты бытом». Кроме того, на руку автору играет и то, что сонет в силу своей природы и истории всегда оказывается окруженным неким семантическим ореолом, навещающим смутные воспоминания о мирах Данте, Петрарки, Шекспира, Камюэнса, Вордсворта - и многих, многих других. Преодоление раздробленности мировидения в новой для адыгской поэзии форме - сонете - парадоксальным образом приводит к тому, что адыгское мышление выступает в ней (форме) в чистом, беспримесном виде - и это несмотря на, что автор адресуется отнюдь не к одному лишь своему народу, являясь, по большей части, «гражданином мира». Впрочем, последнее утверждение нуждается в иллюстрации:

Твердят, что мир наш в миге от обвала,
Что скоро рухнет наша колесница,
Что с тем, чего на свете не бывало,
Все, что так ценим, воссоединится.

Неужто же действительно приспела
Пора крушенья? Усомнюсь едва ли:
Все стали равнодушны, и нет дела
Нам до всего, что ценностями звали.

Смешны нам те, кто славит человека,
Жестокость всё прельстительней да злоба,
И не было мудрее тех от века,
Кто утверждал, что совесть хуже зоба.

В кривые зеркала глядим давно мы
И видим: великанов выше - гномы...

(Перевод Г. Яропольского)

Примерно та же картина возникает при сопоставлении творчества зарубежных собратьев по перу с произведениями таких авторов, как А. Бицуев, Нальби (Н. Куёк), Р. Ацканов, З. Канукова и многих других - имена взяты достаточно произвольно.

Что же касается творчества поэтов диаспоры, то, хотя и трудно давать количественную оценку (стихи вообще плохо поддаются статистическому анализу), но, чисто по читательскому ощущению, мы склоняемся к мнению, что образ Эльбруса занимает в стихах поэтов адыгского зарубежья примерно такой же объем, что и образ Черного моря. Характерным можно считать стихотворение «Эльбрус» поэта Хани Ехуа (Ехьюгэ Хъэний) из Иордании:

Реки бурные текут.
Их начало под Эльбрусом.
Они, танцую исламей,
Держат свой путь к океану.

Здесь поэту удалось найти очень точный и глубоко национальный образ: «реки, танцующие исламей».

Эти реки нигде не теряются.
Их не спутаешь
С другими реками,
Они всегда танцуют исламей.

Это не звезда блестит на небе -
Это капли золотые
С земли родной,
И теперь они танцуют исламей.

Реки Эльбруса возвращаются дождем
На нашу родную землю.
Все знакомы через них
С нашим танцем исламей.

Во всех океанах мира
Ты узнаешь эти волны.
Присмотришь - и ты увидишь:
Они танцуют исламей.

(Перевод подстрочный - З. Б.)

Последняя строфа как бы отвечает на часто дискутируемый вопрос: сохраняется ли национальный менталитет при проживании в диаспоре или нет? Поэт дает утвердительный ответ: «во всех океанах мира ты узнаешь эти волны», и ответу его веришь поневоле - настолько он образен и компактен. Но у поэзии и науки разный подход к доказательствам.

Джихан Лу (Лу Джихьен) тоже обращается к высочайшей горе Европы в стихотворении «Ошхамахо, прошу»:

И сегодня слышу
Твою звонкую песню.
Приятно видеть
Твою седую голову.
Жестокие люди не смогут
Разорвать кровные связи -
Дай только мне руку!

Д. Лу верен отмеченному нами при разборе предыдущего стихотворения принципу «глобальной персонализации»: Ошхамахо в его видении и поет, и обладает седой головой, и кровно связан с лирическим героем. Он может дать ему руку, обнять, усадить на колени:

Обними меня,
Посади на колени -
Столько лет жил, скучая
По объятиям Родины моей.
Много лет живу с поднятой головой,
А сейчас падаю в обморок -
Напои меня глотком воды
Твоих ледовых слез!

(Перевод подстрочный - З. Б.)

В отличие от некоторых представителей поэзии и публицистики «метрополии», склонных порой пессимистично относиться к настоящему и будущему адыгской нации, поэты диаспоры полны оптимизма; они мечтают вернуться на землю отцов и дедов, и нет ничего удивительного, что Родина в их произведениях зачастую предстает подернутой некоторой романтической дымкой.

Список литературы

1. Бакова З. Единство народа - единство литературы. Майкоп, 2000.
2. Бакова З. Литература адыгского зарубежья: уч. пос. для студентов. Нальчик, 2000.
3. Бакова З. Творчество писателей адыгского зарубежья: уч. пос. Нальчик, 2007.
4. Султанов К. Национальное самосознание и ценностные ориентации литературы. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001.
5. Султанов К. Поэзия северокавказской эмиграции: мотив «исторической родины» // Литературное зарубежье: проблема национальной идентичности. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2000. Вып. 1.

RIVERS DANCING ISLAMEY

Zera Hachimovna Bakova, Zareta Anatolyevna Tekuzheva

*Department of Literature and Folklore of Northern Caucasia Peoples
Kabardino-Balkaria State University named after H. M. Berbekov
Zera2529@mail.ru*

The article emphasizes the thought that the literature of Adygei “mother country” and Adygei diaspora is based on the common national world-view. This unity becomes possible due to the steadiness of the artistic world view provided by the fact that literary men speaking different languages more or less adhere to the unlimited source of “Adygei reality” - to Adygei folklore, to Nart Saga.

Key words and phrases: Adygei thinking; national image; diaspora; mother country; mother land; Oshhamaho; islamey; world-view.